Рецензии

Виктор С. Вахштайн

РАНХиГС, Москва; МВШСЭН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2279-8813

«Закон и порядок» в «Пикнике на обочине»

Рецензия на книгу: Мейясу К. (2020) Метафизика и вненаучная фантастика. Пермь: Гиле Пресс

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-241-250

Представьте на минуту мир, в котором железные законы природы утратили свой железный характер. Мир, где «...в промежутке между такими-то датами "лабораторная" природа перестала подчиняться принципам относительности и регрессировала к ньютоновской динамике» или: «напротив, произошло подлинное "возрождение" квантовой физики, но главным образом в лабораториях Южного полушария» [Мейясу 2020: 48]. Мир, где естествоиспытатели завидуют историкам.

Что это за мир? И каковы условия его возможности?

Вахштайн Виктор Семенович — декан факультета социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН); декан философско-социологического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Научные интересы: социология повседневности, социология города, теория ассамбляжей, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Victor S. Vakhshtayn — PhD in Sociology (HSE, Moscow). Dean, Faculty of Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES); Dean, Faculty of Philosophy and Sociology. Research interests: sociology of everyday life, sociology of the city, theory of assemblages, frame analysis, epistemology of social sciences. E-mail: avigdor2@yahoo.com

Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements: The present paper was prepared as part of the research work within the state assignment of the RANEPA.

Согласно известному афоризму, науки делятся не на «естественные и противоестественные», а на «общественные и антиобщественные». Хотя два этих различения ортогональны (что позволяет некоторым дисциплинам претендовать на статус «самых естественных из противоестественных» и «самых антиобщественных из общественных»), оба они опираются на идею закона: в одном случае «закона природы», в другом — «закона государства». При всей несхожести Закона об иностранных агентах с законом всемирного тяготения, исторически две интуиции законосообразности связаны. И в том, и в другом случае речь не идет об отражении действительности в зеркале науки или права. Скорее — о строительстве моста между изменчивым миром бытия и царством человеческих установлений. Длящийся с конца XIX века «спор о методе» — по сути, спор о возможностях подобного мостостроения на болотах Социального.

Чтобы нечто было названо законом (в эпистемологическом, не юридическом смысле слова), должны выполняться четыре условия:

1. Должны существовать, как минимум, два класса наблюдаемых феноменов: X и Y.
2. Между ними должна обнаруживаться устойчивая и воспроизводимая связь.
3. Эта связь должна иметь причинно-следственных характер.
4. Эта причинно-следственная связь должна быть генерализуемой (в идеале: наблюдаться «всегда и везде»).

И тогда социальные законы могут претендовать на статус «...суждений типа “если — то”, таких, как суждения, устанавливающие определенное отношение между увеличением и / или уменьшением массы и скорости в системе ньютоновской механики» [Парсонс 2002: 52]. К сожалению, примеров таких законов (как минимум, в социологии) мы не найдем. Зато найдем множество попыток их сформулировать:

1. «Почему наказания могут привести к увеличению, а не к уменьшению количества преступлений, которые они призваны предотвратить? Ответ: потому что применение суровых наказаний вызывает ненависть, которая может пересилить страх» [Эльстер 2011: 453].
2. «Люди, придерживающиеся эгалитарных предрассудков (те, кто ценит равенство, т.е. уменьшение различий по богатству, расе, полу, авторитету и т.д.), обычно воспринимают опасности, связанные с технологией, как большие, а приносимые ею выгоды — как малые» [Вилдавски, Дейк 1994: 271].
3. «Радикальный философский скептицизм будет широко распространен среди людей, обладающих привилегированным положением, но лишенных влияния в политической системе ярко выраженного деспотического типа» [Douglas 1986 цит. по Куш 2002: 126].

4. «Почему ни один из 38 очевидцев не вызвал полицию, когда убивали Китти Дженовезе? Ответ: потому что каждый из них думал, что, так как никто больше не вмешивается, ситуация, возможно, не столь серьезная» [Эльстер 2011: 454].

На первом же шаге — при различении классов феноменов X и Y — «социологического законодателя» уже подстерегают три ловушки. Во-первых, сложности с выделением переменных. «Страх» и «ненависть» (1) не слишком похожи на «массу» и «скорость». Во-вторых, рядоположение феноменов как принадлежащих одному классу. Являются ли «вера в равенство людей» и требование «уменьшения различий по полу» (2) в равной степени «эгалитарными предрассудками»? В-третьих, наполняемость выделенных переменных достоверными эмпирическими данными. Не было никаких 38 очевидцев убийства Китти Дженовезе (4), эту цифру газета «Таймс» взяла практически с потолка и, более того, именно вмешательство свидетеля позволило отсрочить убийство на несколько часов [Вахштайн 2022]. Юн Элстер посвятил объяснению социального поведения более 400 страниц текста, но сильно сэкономил на проверке данных. Впрочем, это не означает, что «страх технологий», «скептицистские убеждения» или «политическое влияние» (3) не могут быть выделены и описаны в качестве X или Y. Собственно, для этого социологи и вооружаются теориями концептуализации.

На втором этапе — при установлении связи между X и Y — ловушек не меньше. Хотя и здесь социальные науки не безоружны. Стоит, однако, социологу лишь заикнуться о каузальном характере этой связи (третий шаг) и заявить о своем намерении «обнаруживать достоверные причинно-следственные связи, выводимые из наблюдаемых данных» [Титаев и др. 2018], как старый философский спор вспыхивает с новой силой [Макинтайр 2013], [Gaaze 2019]. Требование каузального объяснения (т.е. интерпретация обнаруживаемых взаимосвязей как причинно-следственных) развалило не одну исследовательскую коалицию. Кажется, в социальных науках нет ничего более постоянного, чем спор о связи переменных.

До четвертого шага — генерализации — дело и вовсе не доходит. Сложно представить вменяемого социального ученого, который, обнаружив связь X и Y, не просто вывел бы X из Y, но провозгласил бы универсальный и всеобщий характер этой связи. Слова Карла Гемпеля сегодня звучат как невыполненное обещание: «...общие законы имеют аналогичные функции в истории и в естественных науках, они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования, они даже составляют общее основание различных процедур, которые часто рассматриваются как специфические для социальных наук в отличие от естественных» [Гемпель 1998: 16]. В действительности же социальные науки — в отличие от естественных — делают лишь два шага из четырех. (Три, если верить «каузалистам».)

К примеру, мы можем выделить и описать два класса феноменов: «межличностное доверие» и «доверие институтам». Мы можем обнаружить парадоксальную взаимосвязь между ними: чем больше люди доверяют своему ближнему кругу, тем меньше доверия у них вызывают суды, полиция, правительство и система здравоохранения [Евробарометр 2016]. Но признать одно причиной другого — значит уже подставиться под огонь обоснованной критики. А заявить, что эта зависимость носит всеобщий универсальный характер — значит и вовсе покинуть пределы социальной науки. Хорошо, если найденная взаимосвязь будет наблюдаться достаточно долго, чтобы ее можно было изучить. А о том, чтобы найти ее за пределами РФ («в социологических лабораториях Южного полушария») речь и вовсе не идет.

Есть два традиционных ответа на вопрос, почему дело обстоит именно таким образом.

1. *Онтологический аргумент* предполагает априорное, аксиоматически принимаемое на веру различие между Природой и Обществом. Скальный грунт физического мира — не то же, что болотистые берега социального. На первом строить мосты можно, на втором — нет. Стоит подобной инженерной конструкции лишь коснуться культуры, истории и общества, как все усилия архитектора идут прахом, законы перестают действовать, а взаимосвязи уходят с мониторов.

Онтологический аргумент приписывается Вильгельму Дильтею: «Закономерности, доступные выявлению в сфере общественного, по своему числу, значению и по определенности нашего понимания принципиально уступают природным закономерностям, ибо открытие последних имело под собой прочное основание — пространственные отношения и свойства движения. Движение небесных тел... описывается простым законом гравитации и может быть рассчитано на долгое время вперед. Подобного удовлетворения уму науки об обществе дать не могут» [Дильтей 2000: 3013]. Наукам же о духе лучше и вовсе оставить объяснение физикам, сохранив за собой описание и понимание: «...закон достаточного основания, согласно которому всякое данное всегда находится в некоторой необходимой логической взаимосвязи, в которой оно обусловлено само и обусловливает другое, никогда не имело такого значения для круга духовных фактов, на какое он может притязать для внешнего мира. Здесь он не является таким законом, которому подчинено любое представление о действительности» [Там же].

Любопытно, однако, что онтологический аргумент — выведение различия дисциплин из различия в их объектах — используется далеко не только в лагере «иррационалистов» и «философов жизни». Утверждение, согласно которому «общество сложнее природы», а потому и законы у нас другие, не такие прочные и обязательные к исполнению, — это каузалистская версия того же самого онтологического аргумента.

2. *Эпистемологический аргумент*, напротив, выводит интересующее нас различие не из объектов дисциплин, а из характера самого научного познания. «До познания» нет ни природы, ни общества, есть только вещи-в-себе, про которые ничего нельзя сказать с достаточной определенностью. Но естественные науки превращают эти «вещи» в законосообразные феномены посредством номотетических (генерализующих) методов, тогда как противоестественные науки предпочитают строить свои мосты на идиографических (индивидуализирующих) сваях.

Благодаря программной речи В. Виндельбанда [Виндельбанд 2007] и книге Г. Риккерта [Риккерт 1997] эта позиция прочно ассоциирована с неокантианской философией. Граница между «естественным» и «противоестественным» проходит теперь не по линии «Природа / Общество», а между методами. В том числе и *внутри* дисциплин. Ведь даже биологи, замечает Виндельбанд, действуют как историки, когда описывают развитие индивидуального феномена (не подводя его под всеобщий закон эволюции); так же и социологи, подчеркивает Макс Вебер, действуют как естествоиспытатели, когда создают свои генерализующие идеальные типы [Вебер 1990].

Занятно, что исследовательская программа Брюно Латура, идеолога «онтологического поворота» в социальных науках, строится на радикализации именно эпистемологического, а не онтологического аргумента. Законы, как и любые мосты, суть инженерные конструкции. Естественные науки свои законы создают на совесть, затрачивая огромные усилия и средства для того, чтобы, например, пастеровское объяснение одинаково хорошо работало и в парижской лаборатории, и «на крошечной ферме в регионе Бок» [Латур 2013: 364]. Социальные законы в этом отношении чуть ближе к российскому закону об оскорблении чувств верующих, чем к американской Конституции. Биологическое объяснение «заболевание X вызвано появлением нового штамма коронавируса» работает повсеместно. Социологическое объяснение «рост числа заболевших объясняется отменой локдауна» остается частным мнением.

При всех бросающихся в глаза различиях баденского неокантианства и акторно-сетевой теории их объединяет верность эпистемологическому аргументу: проблема не в «природе» или «обществе», проблема в тех науках, которые пытаются до них дотянуться.

И здесь на сцене появляется Квентин Мейясу.

В своем докладе Мейясу радикализирует уже онтологический аргумент: «Каким должен быть мир, чтобы он был де-юре недоступен научному познанию, не мог стать объектом некоей науки о природе?» [Мейясу 2020: 10]. Именно «де-юре», а не «де-факто». Обнаружение аномалии, необъяснимой исходя из нашего знания о мире, заставляет ученого прикрываться своим символом веры: за этой аномалией все равно стоят какие-то законы, мы просто их пока не открыли, не собрали достаточно данных, не вывели соответству-

ющие причинно-следственные связи. Вслед за Карлом Поппером ученый всегда готов расписаться в своем недостаточном знании законов природы, но само их отсутствие немыслимо.

Такой тип воображения Мейясу связывает с жанром научной фантастики: «Действительно, в научной фантастике мы, как правило, попадаем в мир, где физика (теоретическая естественная наука) оказывается иной, но физические законы нельзя считать просто-напросто упраздненными, — в мир, где не может произойти все и что угодно в любой момент и каким угодно образом. Иначе говоря, истории могут выстраиваться потому, что мы все еще имеем дело с мирами, — упорядоченными, пусть и согласно иному порядку, тотальностями. Люди могут действовать в них, так как они по-прежнему могут предвидеть последствия своих действий» [Там же: 31-32]. Напротив, в мире-без-законов нет ни действия, ни наблюдения, ни науки, ни мышления. Таков ответ Канта на вызов Юма: «Если бы законы не были необходимы, то не могло бы возникнуть никакого мира и никакого сознания, не могло бы возникнуть ничего кроме бессвязного и никак не развивающегося разнообразия» [Там же]. Главным свидетельством того, что законы существуют, является наша способность задаваться вопросом об их существовании. Увы. Социологи бесконечно задаются вопросом о существовании социальных законов. Но, кажется, этот факт сам по себе ни о каких законах не свидетельствует (разве что о законе «убывающей предельной полезности философских вопросов для эмпирической науки»).

Собственно, спору с кантовским тезисом и посвящена книга Мейясу. «Что, в конце концов, мешает нам вообразить куда более устойчивые — а значит, и куда более интересные — вненаучные миры, чем те, что описаны Кантом? — Вопрошает автор. — Действительно, разве нельзя вообразить миры, не подчиняющиеся необходимым законам, то есть миры, вероятно, неустойчивые, в чем-то склонные вести себя абсурдно, но в целом регулярные, пусть их регулярность и не имеет никакого отношения к необходимым причинным процессам? Иными словами, что позволяет Канту исключить возможность существования миров, которые в общих чертах де-факто регулярны, пусть даже их регулярность *приблизительна*, не основана ни на каком универсальном законе? Почему мир без законов непременно должен быть катастрофически непостоянным?» [Там же: 42]. Такой тип воображения Мейясу связывает с особым жанром фантастического повествования — вненаучной фантастикой.

Само словосочетание «вненаучная фантастика» может ввести в заблуждение. Миры без законов, но, тем не менее, регулярные и относительно постоянные — это миры социальных наук. А точнее, миры, в которых «природа» начинает вести себя как «общество». Впрочем, таковым следует признать лишь один тип вненаучных миров, описанных Мейясу. Всего их у него три.

«Мирами “первого типа” — предлагает автор, — мы назовем все возможные нерегулярные миры, нерегулярность которых слишком мала, чтобы пошатнуть науку и сознание. Их, таким образом, нельзя считать вненаучными в строгом смысле слова, так как они еще допускают осуществление [естественной] науки» [Там же: 43]. Мир, в котором иногда происходят необъяснимые отклонения от законов физики, еще не отменяет физики. И если один отдельно взятый медведь обретет вдруг разум и дар речи, это может поставить науку в тупик, но не разрушит ее основания. Мир единичных аномалий — это «мир Паддингтона».

На противоположном полюсе континуума находятся миры, в которых нет ни науки, ни сознания: «Вселенная третьего типа, лишенная необходимого закона, уже, по существу, не была бы миром: это была бы вселенная, где беспорядочные изменения происходили бы так же часто, как в примере хаоса, описанного Кантом» [Там же: 52]. Такие сюрреалистические миры априорно избегают наблюдения и описания.

Между двумя этими полюсами находится «вненаучный мир второго типа» (ВНФ-2): в нем все еще возможно сознание, наблюдение и действие, но уже невозможна систематическая наука. «В таких мирах, — пишет Мейясу, — уже не было бы событийной сферы, защищенной от акаузального беспорядка. Лабораторные опыты тоже давали бы там совершенно разные результаты, устраняющие возможность сформировать науку о природе. Однако в мире такого типа повседневная жизнь все так же могла бы опираться на устойчивые константы, очень относительные, конечно, и все же достаточно сильные для того, чтобы допускать сознательное существование» [Там же: 46-47]. Источник таких устойчивых констант в неустойчивом мире, видимо, тоже вполне юмовский — привычка. А потому бдительные обитатели акаузального мира в своем отношении с окружающими их объектами были бы подобны автомобилистам на оживленной трассе: «всегда могли бы полагаться на разумное поведение природы, но никогда не могли бы исключить и возможности того, что она поведет себя абсурдно, подобно тому, как никогда не можем исключить, что встретимся с лихачом, которому наплевать на правила дорожного движения» [Там же: 50]. В описанном Мейясу мире выведение законов уступает место ведению хроник, а физика становится «историей природы». Сам он приводит в пример такого мира постапокалиптическую Францию из романа Рене Баржавеля «Опустошение», но его модель куда больше напоминает зону из «Пикника на обочине» братьев Стругацких. Только в масштабах всей ойкумены.

Говоря о том, что в мире ВНФ-2 возможно сознание и невозможна наука, Мейясу проблематизирует именно естественную науку. Отсутствие законов не означает исчезновения регулярностей. А потому во вселенной, населенной бдительными сталкерами, есть не только

хроники (как главный инструмент истории природы), но и статистика. Поскольку природа в нем ведет себя «достаточно понятно для того, чтобы можно было сформировать общую эмпирическую статистику ее поведения, позволяющую в ней действовать и жить — пусть и с тягостным чувством неопределенности, так как общая статистика никогда не бывает избавлена от катастрофических исключений» [Там же: 49]. Что любопытно, Мейясу, кажется, разделяет некоторые из убеждений социологов-каузалистов в своем доверии статистическому наблюдению: «В общем и целом, природная регулярность была бы в таком мире аналогична социальной регулярности — достаточно устойчивой для повседневного существования и слишком непредсказуемой, чтобы делать точные прогнозы и избегать внезапных катастроф» [Там же: 50].

Отдельный вопрос — что представляла бы собой технология в мире ВНФ-2. Автор, видимо, отождествляя технологический прогресс с прогрессом естественных наук, здесь оказывается заложником выбранного им литературного примера. В романе Рене Баржавеля главный положительный герой — Франсуа Дешан, образцовый французский коллаборационист (текст написан в оккупированной Франции и вдохновлен идеями «возвращения к земле» маршала Петена) — создает утопическую сельскохозяйственную коммуну, уведя людей из разрушенного Парижа образца 2052-го года. В этой коммуне находится-таки один мерзавец — Дени (аллюзия на Дени Папена), который заново придумывает паровую машину и погибает «в наказание за это “преступление” от рук Дешана, ставшего патриархом не-науки». (Правда, в романе все ровным счетом наоборот: Дешан погибает от рук Дени. Но не будем портить хорошую историю мелкими придирками). То есть, отсутствие естественных законов для Мейясу означает и отсутствие технологии. Это странный вывод. Наличие привычного нам естествознания не является условием возможности техники. Даже в мире «Пластилиновой вороны» техника возможна, только это, по-видимому, другая техника. Та, которую Джон Ло называет «текучей» [Ло 2006].

Мысленный эксперимент Мейясу показывает чуть больше, чем хотел показать его автор. Вместо мира, где «сознание возможно, а наука — нет» (поскольку каждый элемент этого мира обладает агентностью и способностью к спонтанной трансформации), мы получили мир, где естественные науки существуют в логике наук социальных. Радикализация онтологического аргумента вернула нас к аргументу эпистемологическому.

Это не единственный — релевантный для социологии — вопрос, который возникает при знакомстве с «моделью Мейясу». Другая проблема — соотношение каузальности и генерализации (третьего и четвертого шага, описанных нами вначале). Наконец, новая постановка вопроса о связи восприятия и воображения (этому посвящен предпринятый Мейясу анализ кантовской «объективной дедукции»).

Вопросов в книге куда больше, чем ответов. Но в этом, вероятно, и состоит ценность философских экспериментов по конструированию «невозможных миров». Они не дают нам новых решений старых проблем — хотя автор и пытается предложить некантианское решение «проблемы Юма» — они лишь позволяют увидеть их в новом свете.

Библиография / References

Вахштайн В. С. (2022) *Воображая город. Введение в теорию концептуализации*. М.: НЛО.

— Vakhshtayn V. S. (2022) *Imagining a city. Introduction to Conceptualization Theory*. Moscow: NLO. — in Russ.

Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. Ю. Н. Давыдов (ред.) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

— Weber M. (1990) Basic sociological concepts. Y. N. Davydov (ed.) *Selected works*. Moscow: Progress. — in Russ.

Вилдавски А., Дейк К. (1994) Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? *THESIS*, 5.

— Wildavsky A., Dake K. (1994) Theories of Risk Perception: Who Fears What and Why? *THESIS*, 5. — in Russ.

Виндельбанд В. (2007) История и естествознание. *Прелюдии: философские статьи и речи*. М.: Кучково поле.

— Windelband V. (2007) History and Natural Science. *Preludes: philosophical articles and speeches*. Moscow: Kuchkovo field. — in Russ.

Гемпель К. (1998) *Логика объяснения*. М.: Дом интеллектуальной книги.

— Hempel K. (1998) Logic of Explanation. Moscow: House of Intellectual Books. — in Russ.

Дильтей В. (2000) *Введение в науки о духе*. М.: Дом интеллектуальной книги.

— Dilthey W. (2000) *An Introduction to the Sciences of the Spirit*. Moscow: House of Intellectual Books. — in Russ.

Евробарометр в России 2014. Свидетельство о регистрации базы данных RU2016620665. 25.05.2016.

— *Eurobarometer in Russia 2014*. Database registration certificate RU2016620665. May 25, 2016.

Куш М. (2002) Социология философского знания: конкретное исследование и защита. *Логос*, 5-6.

— Kush M. (2002) Sociology of Philosophical Knowledge: Case Study and Defense. *Logos*, 5-6. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб: ЕУ СПб.

— Latour B. (2013) *Science in action: following scientists and engineers within society*. Saint-Petersburg: EU Saint-Petersburg. — in Russ.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 1.

— Law J. (2006) Objects and Spaces. *Sociological Review*, 1. — in Russ.

Макинтайр А. (2013) Ошибка каузальности в социальной науке. *Социологическое обозрение*, 1.

— McIntyre, A. (2013) The fallacy of causality in social science. *Sociological Review*, 1. — in Russ.

Мейясу К. (2020) *Метафизика и вненаучная фантастика*. Пермь: Гиле Пресс.

— Meillassoux K. (2020) *Metaphysics and non-science fiction*. Perm: Giele Press.

Парсонс Т. (2002) *О теории и метатеории. Теоретическая социология: антология*. В 2-х ч. Ч. 2. М.

— Parsons T. (2002) *On Theory and Metatheory. Theoretical sociology: an anthology*. In 2 parts. Part 2. Moscow. — in Russ.

Риккерт Г. (1997) *Границы естественнонаучного образования понятий*. СПб.: Наука.

— Rickert G. (1997) *Limits of Science Concept Formation*. SPb.: Nauka. -_ In Russ.

Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Шклярук М. С. (2018) Манифест новой количественной криминологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 1.

— Titaev K. D., Skugarevsky D. A., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Shklyaruk M. S. (2018) Manifesto for a new quantitative criminology. *Vestnik of St. Petersburg University. Law*, 1. — in Russ.

Эльстер, Ю. (2011) *Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук*. М.: ГУ-ВШЭ.

— Elster, Y. (2011) *Explaining Social Behavior: Revisiting the Foundations of the Social Sciences*. Moscow: GU-HSE. — in Russ.

Douglas M. (1986) The Social Preconditions of Radical Scepticism. J. Law (ed.) *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* L.: Routledge; Kegan Paul.

Gaaze K. (2019) Max Weber's Theory of Causality: An Examination on the Resistance to Post-Truth. *Sociological review*, 2: 41-61.

Рекомендация для цитирования:

Вахштайн В. С. (2021) «Закон и порядок» в «Пикнике на обочине». Рецензия на книгу: Мейясу К. (2020) Метафизика и вненаучная фантастика. Пермь: Гиле Пресс. *Социология власти*, 33 (4): 241-250.

For citations:

Vakhshtayn V. S. (2021) "Law & Order" at the "Roadside Picnic". Book Review: Meillassoux K. (2020) Metaphysics and Extro-Science Fiction. Perm: Giele Press. *Sociology of Power*, 33 (4): 241-250.

Поступила в редакцию: 19.12.2021; принята в печать: 20.12.2021

Received: 19.12.2021; Accepted for publication: 20.12.2021